

СТАЛИН С НАМИ

Режиссер Бортко прославляет Сталина, причем от души, не казенно, а по вдохновению. В историю российского искусства Бортко вошел, прежде всего, как режиссер «Собачьего сердца». Наверное, четверть века назад тогдашний Бортко не пожал бы руку Бортко нынешнему. Но и нынешний Бортко вряд ли в восторге от самого себя перестроечных лет.

История режиссера не исключение — просто она самая символическая. Автор классического антисоветского фильма стал поклонником «вождя народов». Но можно вспомнить и журналиста Виталия Третьякова, который сейчас воспеваает пакт Молотова-Риббентропа, а в прошлом году призывал украсить сталинским портретом Красную площадь во время юбилейного парада. Или писателя Юрия Полякова, почитающего Сталина и демонстративно отказавшегося входить в состав комитета по подготовке празднования юбилея Солженицына (куда его включили, видимо, по номенклатурному принципу — как главреда «Литгазеты»). В этих случаях речь так же идет о знаковых фигурах перестроечного времени. Или Юнну Мориц, которая между обличениями Америки и инвектив в отношении «укрофашизма» не забыла и про Сталина: «Усами Сталин шевелит, Гроза элит, чья сдохла совесть. А он — не доктор Айболит, Он — кары зверская весомость...».

Можно вспомнить и о таком уродливом явлении, как «православный сталинизм», знаковой фигурой которого был покойный о. Дмитрий Дудко, сидевший при Сталине и преследовавшийся при Брежневе. У о. Дмитрия немало последователей, хотя не все из них могут выступать открыто: все же позиция священноначалия в отношении реабилитации массового убийцы клириков и мирян остается негативной. А если обратиться еще дальше в историю, то можно вспомнить широко известные слова другого бывшего диссидента, Александра Зиновьева, о целившихся в коммунизм и стрелявших в Россию. И менее известное его высказывание о том, что «сталинская система массовых репрессий выростала как самозащитная мера нового общества от рожденной совокупностью обстоятельств эпидемии преступности. Она становилась постоянно действующим фактором нового общества, необходимым элементом его самосохранения».

Было бы ошибкой считать такую эволюцию следствием простого изменения конъюнктуры. Во-первых, она началась раньше, еще в те годы, когда в школьных учебниках Сталин был однозначно негативной фигурой. Во-вторых, конъюнктура действительно меняется, но не до такой степени. Сейчас политкорректным считается стремление сгладить противоречия между различными этапами российской истории, не концентрируя внимания на фигуре Сталина. Экзальтированный сталинизм остается частью коммунистической субкультуры, а Солженицына, как известно, весьма уважает Владимир Путин, по инициативе которого «Архипелаг ГУЛАГ» был включен в школьную программу.

Дело, как представляется, совсем в другом — причем истоки эволюции надо искать именно в перестроечных годах. Это важно не только (и не столько) для характеристики взглядов конкретных персон, но и для понимания проблем российской демократии.

Вспомним ситуацию четвертьвековой давности. Тогда российское демократическое движение крушило коммунистический режим, который к тому времени полностью себя дискредитировал. Но «образ желаемого будущего» носил крайне размытый характер — в отличие от восточноевропейских стран, где доминировала идея «возвращения в Европу» и

признание необходимости периода ученичества, для того чтобы стать полноправными членами Евросоюза.

Консенсусным для тогдашних российских демократов было представление о том, что именно коммунистический строй (неразрывно связанный со Сталиным) является препятствием для равноправного участия России в мировой цивилизации. Внешнеполитическим ориентиром — не провозглашавшимся, но подразумевавшимся — виделось возвращение к чему-то вроде Антанты, только расширенной, без разлома западного мира, приведшего к трагедии 1914 года. Россия в этой схеме представлялась страной, отказавшейся от своей коммунистической девиантности и вернувшейся в мировой мейнстрим. Можно будет сесть за стол не с Чаушеску или Живковым, а с респектабельными лидерами «большой семерки» и договориться о разделе сфер влияния в этом мире, основанном на общей приверженности демократическим ценностям.

Более того, большинство тогдашних российских демократов искренне считали, что после распада СССР можно создать новую сферу влияния с последующей интеграцией — разумеется, на новых условиях. Существовало устойчивое представление о том, что страны бывшего Союза никому не нужны. Зачем Европе балтийские (тогда еще прибалтийские) страны — ей бы разобраться со своими проблемами. А страны Центральной (тогда еще Средней) Азии вообще никому не нужны. Отсюда и представление об идеальной России как о мудром протекторе, по собственной инициативе отказавшемся от коммунистической идеологии, красного знамени, портрета Ленина и прочих архаичных атрибутов. Русские и литовцы значительно лучше поймут друг друга, общаясь под историческими триколорами, — поэтому в двусторонних отношениях речь может идти если не об объединении, то о политическом союзе. А уж Украина никак не сможет существовать без России со времен Переяславской рады — и так будет всегда.

Но очень быстро выяснилось, что эта благостная картинка мало соответствует реальности. Что не только балты, но и азиатские лидеры (и даже «батька» Лукашенко при всей его первоначальной интеграционной риторике) всерьез восприняли свою независимость. Что мир со времен Антанты сильно изменился и желание заключать выгодные сделки уравнивается фактором общественного мнения. Что постсоветское пространство превратилось в поле для жесткой конкуренции, где традиционные преимущества России (дешевый газ и русскоязычная эстрада) все более уступали западной «мягкой силе» или негромкому, но ощутимому притяжению Китая. Ощущение России как страны «второго ряда» стало шоком для людей, которые надеялись совсем на другое.

Причем разочарование происходило по-разному: одни сторонники демократии стали приверженцами реал-политик в разных формах, тогда как другие отшатнулись еще дальше и дошли до поклонения Сталину. Наверное, им хочется вернуть прошлое и поддержать Язова-Пуго-Крючкова в августе 91-го. Выразить солидарность с Ниной Андреевой весной 88-го. Воспеть великую армию и великий комсомол вместо «Ста дней до приказа» и «ЧП районного масштаба». Но машину времени пока не изобрели, поэтому приходится довольствоваться своего рода покаянием, только не в варианте Абуладзе, где Авель Аравидзе выкапывает тело Варлама и сбрасывает его со скалы, а в противоположном — где недавние варламовы критики возводят ему монумент.

Если не получилась Антанта, то да здравствует Ялта 1945 года, разделившая Европу в формате, выгодном «вождю». Отсюда и раскаяние в прошлых «грехах», стремление хотя бы частично загладить свою вину перед человеком, расширившим территорию страны и восстановившим ее величие. И готовность принять аргументы сталинистов, что на этом

фоне массовые убийства собственных граждан являются незначительным эпизодом. Если есть желание, то для оправдания преступлений можно найти любые аргументы.

Разумеется, речь шла не только о внешней политике, но и о внутренней. Надежды на то, что «переходный период» продлится недолго и будет относительно безболезненным, не оправдались. Зато коррупция стала системной, а социальное расслоение достигло огромных масштабов. И здесь фигура Сталина также оказалась востребованной — как и в 70-е годы, когда в знак протеста против тогдашней коррупции (куда более скромной, чем нынешняя) получили распространение сталинские портреты на автомобилях. Он же не просто генералиссимус, но и «вождь в шинели», гроза элит и пример личной скромности. То, что от Сталина страдали далеко не только элиты (вспомним хотя бы коллективизацию и голод начала 30-х годов), поклонники «вождя», как старые, так и новые, предпочитают воспринимать в его же логике про лес и щепки. И оценивать его деятельность не по числу жертв, а по результатам для государства, для его величия в мире. Таким образом, в этой логике забота о страждущих вторична — если держава усиливает свои позиции на международной арене, то можно и потерпеть. Поэтому для новоиспеченных сталинистов трагедии 30-х годов меркнут на фоне событий годов 90-х, которые они расценивают как национальное унижение.

Всякое ренегатство выглядит неприятно — не только сущностно, но и эстетически. Но все же есть один связанный с этим немаловажный момент — сталинизм неотделим от угасания таланта. И тот же Бортко останется в истории кинематографа как автор «Собачьего сердца», а не как раздраженный поклонник массового убийцы. Так же как через десятилетия будут читать про «большой секрет для маленькой компании», а не про «диктатуру либералов, тиранию либералов» и тому подобные ужасы и кошмары.